

Воспоминания солдата

Воспоминания гвардии рядового Клячкина Александра Игнатьевича, бывшего разведчика топографа 7-й батареи 3-го дивизиона 52-го артиллерийского полка 18 (133) Гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии были подарены автором патриотическому клубу «Родина» ГПТУ 12 г. Черняховска в 1985 году. Затем книга хранилась в Музее боевой славы воинской части, а после ее расформирования вместе с другими музейными документами была передана на хранение в Музей боевой славы 11 Гвардейской общевойсковой армии.

Мы благодарим начальника музея Мамзенко В.В. за предоставленную нам возможность поработать с архивными документами. Поскольку печатный текст очень старый и некачественный, то мы приносим свои извинения, если отдельные инициалы или фамилии напечатаны неточно. Создавая электронную версию этих воспоминаний, мы стремились увековечить память о тех, кто завещал нам беречь и любить нашу Родину. И есть еще надежда, что кто-нибудь из близких прочтет родные имена, увидит родные лица...

Солдатские будни в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г. Всё дальше уходят в историю события Великой Отечественной войны. И чем больше отдаляются те тяжелые и суровые годы, тем отчетливее предстают перед каждым из нас значение и величие подвига, совершенного тогда нашей Армией, нашим народом. Война потребовала огромных лишений и жертв. Миллионы сыновей и дочерей нашей многострадальной Родины, родные и близкие почти каждой советской семьи отдали жизни за торжество Победы. Время сглаживает остроту пережитого. Но нам, участникам Великой Отечественной Войны, она кажется событием совсем недавним. Она живет в нас не только отсветами незабываемых волнующих встреч и воспоминаний, но и в обостренном чувстве ненависти к фашизму, посягнувшему на свободу и независимость нашей Родины, в большой и глубокой гордости за достигнутую Победу, живет памятью горечи утрат безвременно ушедших из жизни родных и близких, боевых друзей и товарищей, в боли наших старых ран и подорванном здоровье. А люди послевоенного поколения знают о войне, к счастью, только из литературы, кино, да из рассказов и воспоминаний непосредственных участников событий того времени. Растет поколение людей, не прошедших суровой школы борьбы, не получивших той особой закалки, которая выпала на долю нашего старшего поколения. Поэтому встречи, воспоминания живых участников войны, тем более однополчан и фронтовых друзей, приобретают неё большее значение, потребность и пожелание.

Такие встречи однополчан 18 (133) гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии состоялись в школах и специальных учебных заведениях, с молодежью, трудящимися предприятий, с воинами Советской Армии и жителями освобожденных сел и городов. Встречи ветеранов проходили также в городе Новосибирске и области, где формировалось это сибирское соединение и откуда оно последовало на защиту нашей Родины в первые дни войны. Также мы встречались в Москве и области, в местах, где проходили тяжелые бои за столицу нашей Родины: в Яхроме, Истре, Каменке, Подъячеве Дмитровского района, Солнечногорске, Михневе, Серпухове, на юбилейных торжествах в дни победы 9 мая в парке Культуры и отдыха имени Горького, ЦДКА, в музее Вооруженных Сил, на центральном телевидении. Мы также были после войны в Юхнове Калужской области, Брянске и Брянской области, в Белоруссии и Минске, под Оршей и Витебском, в Литве. Никогда не забудутся встречи однополчан в городах Черняховске (Инстербурге), Калининграде (Кенигсберге), Балтийске (Пиллау) - местах окончательного разгрома фашистских захватчиков.

На таких массовых сборах однополчан 18 (133) гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии проходили радостные волнующие встречи многих фронтовых друзей и товарищей с командующим 11-й (16-й) гвардейской армии, в состав которой входило наше соединение, Маршалом Советского Союза Баграмяном И.Х., командующими артиллерией и начальником инженерных войск генералами Семеновым П.С., и Григоренко М.Г., командующими дивизии генералами Толстиковым П.Ф., Щербина И.К. и другими военачальниками. Здесь и мне, впервые после войны, посчастливилось встретиться с комиссаром и начальником политотдела дивизии генералами Сорокиным В.Г. и Холод М.Д., командиром 52-го артполка Смирновым А.П., начальниками штаба и разведки полка и 3-го дивизиона Филипповым И.Я., Лермоном Я.А., Порохневичем Ф.П., Кашавцевым Л.Т.; бывшим командиром 511 тяжелого гаубичного дивизиона, входившего в это соединение Чапаевым А.В. - сыном легендарного начдива; моим непосредственным командиром 7-ой батареи Антоновым О. Н. и командиром 1-го дивизиона Казачок П.А., а также с его женой гвардии капитаном медслужбы Людмилой Андреевной - врачом санчасти нашего полка, неоднократно спасавшей от смерти и оказывавшей медицинскую помощь раненым и контуженным бойцам и командирам, в том числе неоднократно и мне.

Виделся я также со многими другими офицерами и солдатами части и соединения - командирами стрелковых полков, их заместителями и начальниками штабов Кривичем В.Г., Чулановым В.П., Сидоренко Ф.М., послевоенными писателями - однополчанами Медведевым Е.Е., Шешениным И. П., Лобановым В.Б. Артиллеристами полка Булыгиным А. Л., его женой - разведчицей Ниной Яковлевной, Шарутиным А.С., Волковым П.П., Шариповым Н.А., Шмаковым А.Р., Звягиным И.Г., Ломаско Н.И., Кашиашвили И.Г., Гончаровым В.Ф., Маркеловым А.А., Щекиным И.С., Левановым И.Ф., Мишиным Е.Е., Трошиным В.А. Офицерами дивизии и поддерживаемых частей Ганюк С.К., Гороховым И.Е., Кандоуровым Т.З., Евдокимовым А.П., Титовой В.В., Галуновым М.С., Лазаренко М.Ф., Шпагиным И.С., Образовым Я.А., Худяевым Ф.П., Феоклистовым А.С., Моторовым В.И., Розе Я.Я., Опеношевым В.Г. Сотрудниками дивизионной газеты и санчасти - Нежумиря Н.П., его женой Ольгой Сергеевной, Калашниковым Ю.Ф., Хизевым П.А., Ананичевым А.И., Хазан ..., Смирновой А.Ф. и многими другими командирами, солдатами, друзьями и товарищами по совместной борьбе с врагом.

Находясь под впечатлением таких встреч и предстоящих праздничных торжеств в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, хочу поделиться с Вами воспоминаниями о солдатской жизни и судьбе в минувшей войне, о взаимоотношениях солдат и командиров, сержантов и офицеров в боевой военной обстановке, о живых и погибших друзьях и товарищах, об отдельных боевых событиях и эпизодах того времени. В Великой Отечественной войне мне пришлось участвовать в звании рядового солдата во взводе, управлении батареей, выполняя в разные ее периоды и обстоятельства обязанности телефониста, радиста, разведчика, топографа и связного командира батареи. Поэтому и воспоминания эти солдатские, с точки зрения рядового.

Первое о чем следует рассказать - это о взаимоотношениях среди солдат и командиров всех званий от сержантов до генерала в подразделениях, в частях и соединениях, поскольку считаю это немаловажным фактором успеха в отдельных боях, операциях и в целом победы. Главное было то, что все солдаты, сержанты и офицеры в подразделениях и частях составляли одну общую целую сплоченную боевую семью во всех отношениях, что проявлялось во взаимном уважении и помощи, сочувствии и сопереживании, слаженности во время боевых действий и стремлении к единой общей цели - победе над врагом, навязавшим людям вторую мировую войну, захватившим многие страны Европы, вторгшимся на нашу территорию. Примером в этом может служить то, что в

подразделениях и частях вместо необходимых уставных военных слов командиров "Приказываю..," очень часто звучали слова "Товарищи, друзья, ребята.." или обращались по фамилии, имени и отчеству и говорили: « ... прошу...», или просто: "Надо..." надо выполнить, сделать, разведать, предупредить, захватить. "Надо..." Этим простым по содержанию словом "Надо..", но глубоким по смыслу и содержанию, было сказано всё, даже больше, чем в ином приказе, так как оно продиктовано разумом и велением сердца, обостренным пониманием чувства долга перед Родиной, неизмеримо более важным, чем собственная жизнь. Такого обращения командира уже было достаточно для выполнения самых трудных ответственных заданий, в тяжелых и сложных обстоятельствах. К такому обращению почти всегда добавлялись слова и действия командира "Ну, пошли, ребята, друзья, товарищи..". А это означало, что вместе с солдатом, рядом, а в большинстве случаев и впереди, был его командир группы, отделения, взвода или другого подразделения, а часто старшие и высшие командиры и политработники. Вот как высказываются, по этому поводу наши командующие и старшие командиры. Маршал К.К. Рокоссовский "Солдатским долг", стр.91. - командующий фронтами в книге

"...Необходимым достоинством всякого начальника является его выдержка, спокойствие и уважение к подчиненным. На войне же – в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что ему доверяют, в его силы верят, на него надеются". Писатель Иван Свистунов в книге "Сказание о Рокоссовском", стр. 151. "... Рокоссовский обращается к только что назначенному члену Военного совета Донского фронта, которому переданы три новые Армии – 57, 64, 62-я, для разгрома окруженной армии Паулюса, товарищу Чуянову А.С.: "Вы, Алексей Семенович, как я знаю, с начала обороны Сталинграда были с ними (армиями). Не смогли бы Вы, если это, конечно, не нарушает Ваши планы, немедленно выехать в 57-ю и 64-ю армии. Им отводится важная роль в предстоящих боях." Это не был приказ, распоряжение или указание. Просто просьба. Но, Чуянов правильно ее понял. Поднялся с готовностью: "Я сейчас выеду в эти армии Константин Константинович." – "Вот и отлично, Алексей Семенович. Желаю Вам успеха".

Генерал-полковник К.И. Галицкий - командующий 11-й гвардейской армией, в состав которой входила 18(133) гвардейская стрелковая дивизия, в книге "Года суровых испытаний" стр. 489, пишет об одном услышанном разговоре по радиосвязи между старшим и подчиненным командирами: "Разговор был явно неуставной, с обращением по имени и отчеству, на "ты", но меня это не удивило. Так часто бывало у нас в отношениях между начальниками и их ближайшими подчиненными во время войны, когда общие опасности, совместная борьба плечом к плечу очень сближала всех нас и доброе доверительное отношение к подчиненным не только не мешали делу, но усиливали атмосферу общего подъема, боевого товарищества". Писатели-однополчане Е.Е. Медведев, И.П. Шешенин, в книге "Пути -дороги фронтовые" стр. 66 пишут: "Поздним вечером комдива (генерал-майора Карижского Г.И.) вызвал к телефону командующий фронтом маршал Советского Союза А.М. Василевский. Генерал откровение признался: не могу преодолеть Черном ленту (глубокий противотанковый ров в лесном массиве от залива до Балтийского моря, прикрываемый плотным пулеметно-артиллерийским огнем). Думаю сделать это ночью. -Попробуйте, - спокойно ответил маршал. -Надо взять ! Надо !...."Надо взять. Но как?".

Вызвав двух самых боевых, самых удачливых командиров батальонов, справившись, чем занимаются, сказал: "Тогда слушайте: цепочкой через ров, далее - по кюветам дороги, телефон при себе. Докладывать каждые 30 минут". На самые сложные, ответственные, рискованные операции подбирались только желающие, которых всегда было достаточно,

и тогда командир мог выбрать по его усмотрению самых опытных, подходящих для осуществления поставленной задачи. Успех при этом всегда был обеспечен.

Особенно трудными и ответственными заданиями являлись поход за «языком» врага, преднамеренные походы и операции в его тылах, отражение контратак и наступлений противника, выход из его окружения. В таких серьезных операциях и проверялась на деле сплоченность, единство и дружба наших солдат и командиров, их умение принять правильное решение, особенно в трудных непредвиденных обстоятельствах, взаимная помощь и выручка подразделений и частей различных родов войск. А как мы радовались успеху хорошо проведенной операции, особенно наши командиры, когда их расчеты, принятые решения и надежды оправдывались - это вселяло гордость и веру в наши солдатские действия под их командованием и руководством.

Примером сплоченности и содружества могут служить действия штурмовых отрядов, которые формировались для проведения наступательных операций в тылу противника. Один из таких отрядов был сформирован в феврале 1945 года при наступлении наших частей в направлении Бранденбурга, юго-западнее Кенигсберга. Возглавлял и командовал этим отрядом заместитель командира стрелкового полка подполковник Корнеев Ф.А. В состав отряда входили подразделения стрелкового полка, часть его артиллеристов и минометчиков, а также приданные части усиления дивизионные и истребительно-противотанковая артиллерия.

В составе этой группы бесшумно, темной ночью мы зашли в глубокий тыл противника и окопались для круговой обороны. На рассвете было установлено, что мы находимся в тылах закрытых огневых позиций немецких батарей. Обнаружив наше расположение в своих тылах, немцы в панике начали покидать свои орудия и прорываться в свои более дальние тылы. Здесь по ним был открыт огонь из имевшегося у нас в наличии оружия. Однако немцы не пожелали смириться с потерей своих батарей и значительной фронтовой территорией глубиной до 10 км от переднего края. Сконцентрировав в течение первой половины дня вдоль шоссе северо-западнее нашего расположения, значительные силы около 400 человек, они перешли в открытую контратаку. Обойдя наше стрелковое подразделение, располагавшееся несколько юго-западнее от нас, немцы беспорядочным строем в полный рост, открыв ураганный огонь из минометов, фаустснарядов, гранатометов и личного оружия, форсированным броскам перешли в наступление на нашу группу. Мы без команды открыли ответный беспорядочный огонь по наступавшему противнику, но так как он был еще на значительном расстоянии, то наша стрельба особенного успеха не имела. Тогда подполковник Корнеев строго приказал всем прекратить беспорядочную стрельбу, беречь патроны и огонь открывать только прицельный по его команде. Всем артиллеристам было приказано срочно скорректировать и открыть огонь с закрытых позиций по наступавшей немецкой лавине, значительно превосходящей наши наличные силы. Когда первые шеренги немцев подошли на прицельное расстояние до 80 метров от нас, подполковник Корнеев отдал приказ открыть прицельный огонь из всех имеющихся в нашем распоряжении видов оружия. К этому времени несколько орудий уже было выведено на прямую наводку, пристрелены ориентиры из закрытых позиций наших артиллерийских и минометных батарей. Часть пулеметов, принадлежащих отрезанным от нас стрелковым подразделениям, были перемещены и развернуты в сторону наступающего противника. От такого массированного огня передние ряды наступающих немцев стали заметно редеть, а оставшиеся в живых, почти дошедшие до нас, начали поворачивать назад и быстро беспорядочно отступать, оставляя большое количество убитых и раненых на совершенно открытой ровной местности. После отбитой контратаки противника, мы выбрались из залитых водой окопов, в которых находились почти сутки. Промокшие, измазанные

раскисшей грязью, сильно озябшие, дрожа от холода и нервного напряжения, мы хоть и были полны чувства радости от только что успешно проведенного боя с намного превосходящей силой противника, но все равно никак не могли прийти в себя.

Подполковник Корнеев, находясь среди нас, всеми силами старался поднять и восстановить наше настроение, для чего начал рассказывать разные шуточные анекдотичные истории, в одной из которых было произнесена фраза: "...Иван пойдем купаться, вода сегодня теплая." От произнесенного такого словосочетания зубы его непроизвольно застучали, как пулемет, что вызвало оживление и смех среди ребят. При этом, каждый стал повторять эти слова, смеясь над собой. Наступающие следом за нами основные силы наших стрелковых и поддерживающих частей, преследовали отступающего в отбитой контратаке противника и развивали успех наступления в направлении города Бранденбурга, расположенного на берегу залива Фришес Хафф.

Еще об одной дружбе и сплоченности наших Вооруженных сил, как и всего советского народа, следует помнить и с гордостью рассказывать. Это единство многонационального состава нашей армии. Это содружество, построенное на взаимоуважении, испытано и проверено временем в грозное тяжелое время войны, когда шел самый строгий и жестокий счет на жизнь. "Ты, или кто другой". Как известно, наши подразделения, части и соединения состояли из многонационального состава, независимо от воинского звания и занимаемой должности, будь то солдат, младший, средний, старший или высший командный состав. Примером может быть наша 7-я батарея, в составе которой одновременно находилось до 14 различных национальностей. Часть из них погибли смертью храбрых или умерли от тяжелых ран. Многие неоднократно ранены и контужены. Это - русские, различных местностей рождения и жительства: комбат Антонов О.Н. - ранен, командиры орудий Рагозин П.А., Завьялов М.Л., разведчики Гавриков И.Л. - ранен, Власов С.С., Силаев убиты, телефонисты Аксенов Н.А., Сопрыкин - ранены, радисты братья Можаевы - ранены, командиры взводов Титов, Буренков - убиты, старшина Воронцов - убит, артмастер Калашников И.С. ранен. Украинцы - радист Черевко - тяжело ранен, заряжающий Величко, шофер Шевченко - ранены, телефонист Барамыщенко - убит. Армяне - комвзвода Терзян А.А., повар Шарлуян - ранены, солдат Бабаян. Белорусы - наводчики орудий Потапов убит, Безбожный, Овсеич - ранены, топограф Клячкин - ранен и контужен. Татары - наводчики орудий Ганин, Адаганов - ранены, башкир - солдат Сояпов, евреи - радист Коган И.О., комвзвода Дымкин. Мордвин старший лейтенант Арсланов, молдаван солдат - Пастух, чуваша - радист Иванов Н. - ранен, телефонист Кирилов - убит, латыш - командир орудия Ронец - тяжело ранен. Были тувинец, поляк и другие национальности среднеазиатских, кавказских, закавказских республик и областей. Еще больший национальный состав имелся в дивизионе, тем более в полку и дивизии.

Как известно, каждая национальность имеет свои сложившиеся обычаи, национальные уклады и другие особенности. Однако это не мешало тесному содружеству, сплоченности в общей борьбе с врагом. Все относились друг к другу бережно и внимательно, независимо от национальной принадлежности. Особенно интересно было для всех, когда на отдыхе, во время свободных минут или даже за обедом кто-нибудь из солдат рассказывал что-то особенное из их национальных обычаев, укладов. Это всегда вызывало оживление, поднимало настроения, вызывало шутки, смех, а иногда недоумение, непонимание сущности отдельных обычаев. Но это никогда не приводило к насмешкам, унижению, нанесению оскорблений или обиды. Каждый старался рассказать что-то особенное, отличительное от других, смешное или кажущееся странным в их обычаях. До настоящего времени помнятся такие рассказы украинцев, молдаван, чувашей, башкиров, грузин. В тяжелой боевой обстановке каждый старался сделать хорошее для своего

товарища, помочь ему в трудном положении, а то и выполнить за него задание, иногда даже ценой своей жизни.

В тяжелых боях под Албениным 14 марта 1945 в шею и горло был тяжело ранен разведчик Ерофеев. Вынести его с поля боя и доставить в санчасть добровольно вызвался телефонист Барамыщенко. Они оба попали под сильный огонь противника. Барамыщенко при этом был убит, раненый же Ерофеев добрался до батареи один. Так спасая русского, погиб украинец. И таких примеров на войне было немало. А как тяжело мы, солдаты и командиры, переживали потери своих товарищей, погибших или тяжело раненых в бою.

Вспоминается один из таких эпизодов. Ранним утром (это было уже на территории Восточной Пруссии) в момент раздачи завтрака составу взводов управления 7-ой и 8-й батареи начался обстрел нашего наблюдательного пункта. Тяжелый немецкий снаряд разорвался прямо в нашем месте расположения. Были очень тяжело ранены командир отделения разведки Гайворонский, радист Черевко, разведчик Постельников, убиты Орлов, Курбатов, ранены комвзвода управления, связист Крюков из 8-ой батареи и другие товарищи. Из взвода управления нашей 7-й батареи остались в живых и без существенных ранений на этот раз командир батареи Антонов О.Н., т.к. в это время он был у командира дивизиона майора Алексеева Г.Я. и еще один оглушенный разрывом и засыпанный землей солдат, который в это время проходил мимо нашего взвода. Не больше осталось и во взводе управления 8-й батареи. Перетащив всех раненых в сарай под высотой и передав их санинструктору Барашко, подавленные горем от потери товарищей, со слезами на глазах, мы пошли вперед. Нужно было продолжать стремительное наступление, поддерживать пехоту, подавлять огневые точки и живую силу противника.

Рассказывая о тесном многонациональном содружестве солдат и командиров, следует рассказать в частности об отдельных из них. Большим уважением и любовью пользовался в батарее солдат-сибиряк из Анжеро-Судженска - Какаулин Павел Алексеевич. В его обязанности входило доставлять пищу взводу управления батареи, всегда находившемуся на переднем крае, а также оружейным расчетам на прямой наводке в засадах и других приближенных к передовой в труднодоступных местах. Это был скромный, душевный, чуткий, всегда с хорошим настроением человек, очень исполнительный, дисциплинированный солдат, всегда серьезно относящийся к своим незатейливым обязанностям. А главное, не знавший, кажется, ни страха, ни испуга, хотя были случаи, когда по неизвестной ему передовой чуть не попадал в расположение неприятеля. У него были какие-то особые интуиция и находчивость. Свою группу людей, к которой он шел с термосом и другими продуктами питания, всегда находил первым из дивизиона, а то и полка, в каком бы трудном мало известном месте они не находились. Он всегда вовремя накормит своих солдат и окажет помощь в этом другим. Правда, бывали случаи, когда в термосе доставлялась только густая часть еды, так как он оказывался простреленным пулями снайпера или пулеметчика, или осколком разорвавшегося снаряда или мины. Тогда весь бульон выливался за воротник, потому что термос находился на плечах за спиной, пристегнутый лямками. Вместе с едой он всегда доставлял табак и спички, необходимые медикаменты, прибывшие письма, рассказывал о новостях на огневых позициях батареи, дивизиона, полка. По пути он всегда, если надо, поправит проложенный кабель связи, а то и соединит оборванные концы проводов, независимо от того, какой части принадлежит эта линия.

Однажды, доставляя обед на наблюдательный пункт своим батареям, он не посчитал нужным следовать на наблюдательный пункт по специально прорытым траншеям, так как подходы к нему сильно простреливались прицельным пулеметным и артиллерийским огнем, а пошел напрямую по совершенно открытой местности. Вдруг против него в

траншее разорвался снаряд. Мы это хорошо видели с наблюдательного пункта. Когда рассеялись дым и пыль от разорвавшегося снаряда, Какаулина на прежнем месте не оказалось. Мы решили, что он ранен и поспешили к нему на помощь, так как видели, что на бруствере траншеи стоит термос и рядом валяется бидон, а сам он барахтается в траншее, как раз на месте только что разорвавшегося снаряда. Подойдя к месту взрыва, мы увидели, что солдат, целый и невредимый, соединяет многопроводную оборванную связь, проложенную по дну траншеи для большей сохранности и безопасности обслуживания. На наше замечание, что следует быть более осторожным в пути, он ответил, что по траншее с термосом и бидоном идти очень неудобно, а по одному ефрейтору с орудий палить не станут. Предупредительных выстрелов со стороны противника не было. Да и неизвестно, где, вообще, безопасней. Он только очень сожалел, что такой вкусный суп с мясом нам придется опять есть без бульона. О том, что он пользовался большим уважением среди бойцов батареи подтверждает сложившаяся про него шуточная песня, которую солдаты пели при его появлении. И еще одна особенность этого человека. Сам он ел всегда последним, после того, как накормит всех. Если точка была последняя, он садился есть с нами, если еще надо было кому-то нести обед, то он никогда не оставался, а шел вперед. За участие в войне он заслуженно был награжден правительственными наградами. Вот, кажется, и незавидная служба солдата по доставке обеда на передовую, а как она исполнялась!

А теперь о самом главном человеке на батарее – ее командире гвардии капитане Антонове Олеге Николаевиче. Война застала Антонова О.Н. на действительной военной службе в городе Новосибирске в 400-ом артполку 133-й отдельной стрелковой дивизии. В их составе он участвовал в боях с первых дней войны до полной победы над немецко-фашистскими захватчиками, пройдя боевой путь от рядового артиллериста до гвардии капитана. Это был особенный человек и командир в нашем подразделении во всех отношениях. Его душевность и чуткость, скромность и отзывчивость, самодисциплина и требовательность к себе и подчиненным всегда являлись примером для всего личного состава батареи. В составе батареи, как и в других воинских подразделениях в период войны служили люди очень разные по возрасту, образованию, воспитанию, жизненному и боевому опыту, социальному положению и национальности, сложившимся укладом и обычаям и другими особенностями. Из этого разнообразного во многих отношениях личного состава подразделения нужно было подготовить единую боевую семью. К каждому человеку у командира имелся свой индивидуальный подход. С большим уважением он относился к людям с высшим и средним образованием учителям, инженерам, техникам, используя их, как наиболее грамотных, в проведении политического воспитания личного состава батареи. С большим почтением он относился к людям старшего возраста, преклонялся перед их большим практическим жизненным опытом, ставил их в пример молодым солдатам. С равными, близкими по возрасту, образованию, трудовому и жизненному опыту отношения имел дружеские, почти братские. К поколению моего более молодого возраста, совершенно не имеющего ни жизненного, ни профессионального, ни боевого опыта было простое, теплое, отцовское, наставническое отношение. Мы были его учениками во всем : в жизни, в труде, в поведении, а главное, в военном боевом деле. Он очень бережно относился к национальным особенностям личного состава своего подразделения, ведь состав батареи был многонационален. Наш командир принимал самое активное участие в беседах солдат на национальные темы, направляя и нацеливая их на самые дружеские отношения. А как умело, грамотно со знанием дела он воспитывал, спланивал и учил своих солдат, младших и средних командиров военному делу, умению воевать. В этом он имел очень большой опыт и знания и заслуживает самого большого уважения, благодарности и похвалы.

Все события, действия и поступки рассматривались только с военной точки зрения, исходя из воинского звания и занимаемой должности. Разговор и разбор событий шел откровенно, начистоту, не взирая ни на какие человеческие особенности. Кто и как выполнил приказ или задание, проявил находчивость, сообразительность, смелость, пришел на выручку и помощь товарищу, кто допустил упущения, промедления, не полностью и нечетко выполнил задание, под чувством страха проявил трусость. При этом всегда приводились конкретные примеры, назывались фамилии, должности, звания. Это была учеба и воспитание в полном смысле слов на конкретных положительных и отрицательных боевых и личных примерах. "Солдата не надо жалеть, его надо беречь!" - учил он по опыту своего кадрового командира полка гвардии подполковника Абузина Бориса Николаевича.

Запомнился случай объявления благодарности перед строем батареи разведчику Литвинову Николаю за выполнение боевого задания. Будучи раненым, он не покинул поле боя. В последствии и мне пришлось совершить такой поступок - выполнять задание в сложной боевой обстановке в раненом состоянии. В ходе боевых операций комбат Антонов был очень смелым, находчивым, почти всегда правильно предполагал и угадывал поведение и действие противника. Он никогда не задерживался при наступлении, не выжидал, чтобы кто-то пошел вперед, а сам всегда стремился быть первым. К этому всегда призывал и приучал нас, своих подчиненных. Его девизом было: « Всегда только вперед - пробежать, успеть первым, тогда больше шансов на успех: удержишься, попадешь во второй или последующий эшелон, тогда неприятностей и потерь достанется больше». Действительно, неоднократно так и было. Наблюдая за наступающими следом за нами подразделениями, мы убеждались в его правоте. Он был очень легкий на подъем, сильный, быстро бегал, везде старался быть и всё видеть сам. Нелегко было успевать за ним, да еще с радиостанцией за спиной. Он любил, чтобы я был всегда с ним и радиостанцией, хотя являлся разведчиком-топографом, а для связи были специальные радисты и связисты. Комбат быстро и точно готовил данные, очень метко стрелял, хорошо корректировал огонь батареи, в каком бы месторасположении ни находился: на прямой или смешанной линии стрельбы. И меня, как топографа, он тоже очень хорошо научил готовить данные для стрельбы и корректировать огонь с закрытых огневых позиций, как в обороне, так и в наступлении.

Вообще, он всегда учил своих солдат тому, чтобы каждый из них мог выполнять не только свои положенные по должности обязанности, но и другие смежные функции. Каждого артиллериста орудийного расчета он готовил к выполнению обязанностей другого номера, особенно наводчика орудия - это ведь основа в точности стрельбы. Разведчики, радисты, телефонисты, топограф должны были уметь квалифицированно заменять друг друга в любой обстановке. Поэтому, находясь на кратковременном лечении в эвакуационном пункте, я изучил радиостанцию и хорошо умел ею пользоваться. В штурмовой группе подполковника Корнеева я участвовал как разведчик-топограф, умеющий находить цели противника, готовить данные для стрельбы, корректировать артиллерийский огонь, и в тоже время был радистом на связи с огневыми позициями батареи. В строевом отношении комбат, как кадровый командир, имел хорошую подготовку и выправку, он был всегда подтянут, опрятен, с аккуратно подогнанным чистым обмундированием, наличием всех пришитых пуговиц и чистым подворотничком. Его личный пример в этом, как старшего командира, был непререкаемым законом для нас подчиненных. Он всегда, по возможности, аккуратно отвечал и сам писал письма родным, друзьям и знакомым, интересовался, как обстоят дела у своих подчиненных, тем более, что многие из них читали письма вслух. Особенно внимателен он был к солдатам, родные которых погибли, находились в эвакуации, были угнаны за границу, бесследно исчезли или пропали без вести. А каким веселым, общительным, всегда с шуткой и теплыми словами он был в

период кратковременных перерывов, находясь на переформировании, в резерве командования или временной обороне. В эти краткосрочные промежутки между боями, он любил разрядку от боевой напряженности и представлял ее своим подчиненным в пределах возможного и дозволенного. Очень любил песни. Сам часто пел. Одна из его любимых песен запомнилась словами №... до границ германских полк дойдет, там конец войне...". После вступления в Восточную Пруссию, на замечание к песне, что уже дошли до германских границ, он в шутку говорил, что это – только восточные, а нужно дойти до их западных границ. Что и было сделано не в шутку, а вполне серьезно. У него было очень много боевых друзей в других батареях и поддерживаемых стрелковых подразделениях. На послевоенных встречах однополчан в его комнате, где он останавливался, вокруг него всегда много народу. По этому поводу даже шутили: «У тебя, Олег Николаевич, целый штаб встречи всего арtpолка.» О нем можно рассказывать очень много и все сопровождать рядом примеров боевых и будничных эпизодов.

Такие командиры, как Антонов Олег Николаевич, являлись золотым фондом армии и залогом нашей победы на полях сражений Великой Отечественной войны. К нашему счастью и радости, бывший комбат Антонов О. Н. после войны прошел долгий трудовой путь, всегда являясь примером, как и в военное время. Он проживает на Украине, в Кировоградской области, станция Капитоновка, ул. Первомайская, 7.

В заключении об упомянутом выше эпизоде выполнения задания в раненом состоянии пишу эти воспоминание. Южнее взятого города Бранденбурга, расположенного на берегу Фришес Хафф, в лесу, за городом было сосредоточено 100-тысячная группировка противника в составе моторизованной дивизии СС "Великая Германия" и других частей. Наступая в этом направлении, к утру 18 марта 1945 года вместе с поддерживаемыми стрелковыми подразделениями 53-го и 58-го полками, мы вышли на южную окраину лесного массива и продвигались на юг в направлении железнодорожной станции Людвигсорт. Наши батареи были сняты с огневых позиций и следовали за нами на установленном расстоянии, периодически, в условленное время, поддерживая связь по радиации. Однако утром с рассветом наше дальнейшее наступление было задержано контратаками противника, поддерживаемыми сильным огнем прямой наводки немецкой артиллерии и танков.

Лесная дорога, по которой передвигались наша техника и солдаты к передней линии фронта, шла под уклоном в сторону противника и простреливалась прямой наводкой его артиллерии и танков на всем 2-3 километровом расстоянии. Так как в этом лесу находились немецкие военные объекты и склады, все дороги проходившие через лес, были огорожены прочной сплошной стальной сеткой, обочины обрамлены глубокими каналами и заминированы. Поэтому съезд с дороги и передвижение по лесу в любом месте были невозможны. В сложившейся обстановке требовалось срочно открыть ответный артиллерийский огонь по атакующим немецким частям, танкам и артиллерии. Но сделать это немедленно не представлялось возможным, так как наши батареи были еще на марше, а обстановка при состоявшейся последней радиосвязи этого пока не требовала. Следующий сеанс связи должен был состояться, когда наши батареи будут уже следовать по выше указанной лесной дороге. Другой связи с батареями не было.

Командир дивизиона майор Алексеев приказал командирам батарей срочно выслать связных навстречу находившимся в пути батареям, и предупредить их о том, что дорога находится под огнем прямой наводки вражеской артиллерии и танков. Из всех добровольцев для выполнения задания связного 7-й батареи выбор пал на меня и разведчика 8-й батареи. Легко одевшись, мы взяли с собой только необходимое: трофейный легкий пистолет, автомат, две гранаты-лимонки, фляжку с водой,

перевязочный материал, Попрощавшись с друзьями, мы быстро двинулись в путь, Медлить было нельзя. Когда мы вышли на дорогу, то увидели ужасную картину. Дорога на всем своем протяжении, канавы и обочины до металлической сетки были завалены всевозможной нашей подбитой и оставленной техникой, полковыми пушками и минометами, доставляемыми на лошадях, истребительными противотанковыми дивизионными зенитными орудиями на механизированной тяге, несколько самоходок СУ-76. Было много раненых и убитых солдат.

Ведь как только немцы замечали на дороге нашу технику или солдат, тут же открывался ураганный прицельный огонь. Нужно было как можно быстрее пробраться и пройти через весь этот трехкилометровая огненный ад и предупредить свои батареи, чтобы не попасть под прицельный огонь и срочно оказать помощь огнем артиллерии своим передовым частям, так как они закреплялись на занятых позициях южной окраины лесного массива. Мы договорились, что будем следовать на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы одновременно не попасть под осколки одного разорвавшегося снаряда или одной пулеметной очереди, а в случае ранения оказать помощь друг другу. Мы короткими перебежками, где по дороге при уменьшении интенсивности огня противника, где по канаве, в основном бегом, начали продвигаться навстречу предполагаемому движению батареи. Так мы вместе сравнительно быстро одолели первую половину пути. Но, чем дальше к передовой, тем становилось все труднее, так как дорога, обочины и канавы были практически завалены техникой, да и огонь на оставшейся части пути следования велся противником еще сильнее.

Пробежав несколько метров при очередном броске, я вдруг почувствовал, как мою правую руку сильно швырнуло вверх и обожгло. Когда я опустил ее вниз, то увидел, как из разорванного рукава шинели струей льется кровь. Сполз в канаву, снял снаряжение и шинель, достал индивидуальный пакет и начал перевязывать рану. Тут же подполз мой напарник, чтобы оказать мне помощь. Однако, я отказался от его помощи, сказав, что сделаю себе перевязку сам, а он должен продолжать выполнять задание. Перевязав себе руку, я также последовал за ним навстречу батарее. Пройдя несколько метров, я сильно ослаб. Вдруг на пути оказался открытый въезд в лес, а за железными воротами просматривались строения и здания. Я зашел за ограду, приблизился к одному из домов и заметил, что в глубь леса по ранее прорытой траншее уходят группы вооруженных немецких солдат. Левой рукой я открыл по ним огонь из автомата и, видимо, несколько человек ранил, так как видел, как их подхватили другие солдаты и быстро скрылись, а несколько солдат противника из траншеи открыли ответный огонь по мне. Дом, к которому я подошел, оказался станцией телефонной связи, где стояли коммутаторы. Не заходя в дом, так как никого наших поблизости не было, возле входа я посильней еще раз перевязал рану, так как первоначальный бинт был уже насквозь мокрым от крови. Снял шинель, чтобы легче было передвигаться, завернул в нее автомат, забрал с собой затвор и одну гранату-лимонку, а остальное все спрятал в кустах и направился вперед для продолжения выполнения порученного задания. Остаться на месте я не мог, ведь и мой напарник мог быть уже ранен или убит. Ведь тогда наши батареи будут расстреляны немецкой артиллерией и танками на марше.

Выйдя на дорогу, я увидел, как опять был открыт пулеметный огонь противника по следовавшей на передовую небольшой группе солдат и офицеров. Несколько человек было ранено. Это была группа 53-го стрелкового полка во главе с его командиром подполковником Приладщевым Н.М. Я подбежал к ним, чтобы оказать помощь раненым. Но моя помощь не потребовалась, и я продолжил свой путь. Почти добравшись до самого высокого места на дороге, я увидел, что наши автомашины с орудиями поднимаются на гребень дороги, причем две из них уже переехали высоту и следуют по уклону к немецкой

стороне. Собрав все силы, я бегом поспешил к ним навстречу, крича и махая здоровой рукой, предупреждая их об опасности. Мои сигналы были поняты, да они уже и сами увидели весь ужас на дороге. Одна сцепка орудия с автомашиной быстро начала сдавать назад за высоту, а следовавший первым орудийный расчет начал быстро расцеплять машины и орудия, так как разворот со сцепкой был невозможен. Немцы это заметили и открыли огонь прямой наводкой, но так как расстояние было значительное, первые выстрелы были неточные и вражеские снаряды пролетели мимо. А за это время развернувшаяся машина и орудие быстро съехали на противоположный склон высоты. Подойдя к батареям, я передал приказ командиров дивизиона и батареи срочно развернуть орудийные расчеты наведения огня с закрытых позиций, а радистам связаться со своими командирами и наблюдательными пунктами. Однако подобрать огневые позиции для пушечных батарей оказалось нелегким делом, так как местность была сильно пересечена оврагами и высотками, а впереди простирался лес. Гаубичная батарея развернулась очень быстро и немедленно открыла огонь. Я очень обрадовался огню батарей и тому, что все орудия и расчеты уцелели. От этого, казалось, даже рана стала как-то меньше беспокоить, и силы прибавились. О выполнении задания я доложил старшему на батарее командиру первого огневого взвода Терзян Арсену Аветисовичу. В ответ он сказал, что весь дивизион уже знает, что произошло на переднем крае и на дорогах к нему и что я первым принес сообщение об этом и что оно означало для наших батарей. Огнем нашей артиллерии были подавлены немецкие огневые точки, ликвидировано блокирование дорог, отбиты контратаки противника и наши части продолжали наступление, захватив на железнодорожной станции Людвигсорт военные эшелоны, много различной техника, а в лесу много складов и подземных хранилищ с боеприпасами и продовольствием. Об этом подробно написано в книге Е.Е.Медведева и М.П. Шешенина "Пути- дороги фронтовые" стр. 152 - 153. Но меня очень волновал и беспокоил вопрос о моем напарнике-разведчике, ведь он должен был первым, впереди меня быть на батареях, а раненым или убитым на своем пути я его не видел. Несколько позже я узнал, что он тут же следом за мной был более серьезно ранен, подобран чьими-то санинструкторами и отправлен в госпиталь.

Я собрался отправиться на командный пункт батареи и дивизиона, чтобы доложить подробно о выполнении задания и еще раз поискать своего друга, после чего следовать в санчасть полка. Однако, санинструктор батареи Барашко, тоже накануне раненый, но не оставивший своей службы, видя не совсем хорошее мое состояние, срочно доставил меня в медсанчасть полка, где врач Казакова Людмила Андреевна оказала мне первую необходимую медицинскую помощь и направила в эвакупункт для дальнейшего лечения. Врачу части Казаковой и санинструктору батареи я рассказал, что мне очень нужно разыскать живым или мертвым своего напарника-разведчика, забрать свое спрятанное имущество - шинель, автомат, фляжку, после чего я могу отправиться в госпиталь. Получив на это разрешение, той же дорогой я проследовал на передовую. Но теперь она была значительно безопаснее. Огонь противника по дороге велся только с закрытых артиллерийских позиций и был уже не очень прицельным и точным. Всем раненым, независимо от принадлежности к части, оказывалась первая медицинская помощь, подбирались для похорон убитые. Разбиралась и восстанавливалась техника, расчищалась дорога, разминировались дорожные обочины, делались проходы в лес. В доме связи, у крыльца которого перевязывал рану, уже было много наших солдат, а в траншее, по которой стрелял из автомата левой рукой, лежал убитый немецкий солдат. Разыскал шинель и автомат. Они были на месте, но развернуты. Так как шинель была с разорванным рукавом, а автомат без затвора, то они никому негодились, гранаты-лимонки и фляги не было. Забрав свои оставшиеся вещи, вложив находящийся у меня затвор в автомат, я решил все же найти своих командиров батареи и дивизиона на передовой и лично доложить о выполнении задания и своих действиях в сложившейся обстановке.

Определив примерное место расположения командных пунктов, откуда мы вышли утром на задание, я последовал в этом направлении прямо через лес. На этом пути, небольшой участок ласа оказался огороженным еще одним рядом стальной сетки и колючей проволоки. Между деревьями просматривались строения и навесы. Пробравшись через поврежденные разрывами снарядов ограждения, я дошел до этих строений. Это были закрытые и открытые склады немецкого военного снаряжения и имущества. Несколько наших солдат осторожно прохаживались и рассматривали их содержимое, определяя, что может пригодиться в их подразделении. Здесь было много брезента и пошитых из него готовых многоместных палаток и тентов на машины, ящиков с каким-то оборудованием и препаратами, строительного инструмента - лопаты, кирки и топоры. Также лежали заготовленные деревянные щиты, очень много рулонов разноцветной искусственной ткани и уже нашитых из нее мешочков для заполнения их взрывчатым веществом и приготовления артиллерийских и минометных основных и дополнительных зарядов, много сетки, колючей и гладкой проволоки и многое другое. Склады пока никем не охранялись, и по ним велся методический огонь противника из дальнобойной артиллерии.

Определив примерно, что пригодится для батареи, я последовал далее к своим на передовую. Когда я прибыл на командный пункт батареи, то застал всех присутствующих за обедом, который доставил уже известный Какаулин. Все были рады моему возвращению, спросили меня, как я себя чувствую, и тут же усадили за обед. Настроение и аппетит у всех были хорошие. Я спросил, известно ли что о моем напарнике - разведчике 8-й батареи, с которым уходил на задание и расстался при ранении. Но никто ничего о нем не знал. Комбат Антонов О.Н. тут же сообщил командиру дивизиона Алексееву, что возвратился связной его батареи.

Несколько раньше, получив по радиосвязи сведения о моем ранении, он передал ему, что в его подразделение четыре «мягких», так под кодом назывались раненые, - радист, разведчик, топограф и его связной, правда, фамилия при этом была названа только одна - Клячкин. За обедом я сообщил комбату и солдатам, что недалеко от нас находятся немецкие склады, где есть брезентовые палатки, тенты, много разного инструмента, и что неплохо было бы кое-что взять для нашей батареи. Что и было сделано. Потеря крови и усталость сказались на моем самочувствии и здоровье, что сразу заметил комбат. От него трудно было утаить что-нибудь или скрыть. Получив подтверждение по радиосвязи с батареей, что мне необходимо явиться в госпиталь, тут же приказал солдату Какаулину проводить меня к санинструктору Барашко. Пробыв в госпитале несколько дней, я стал проситься на батарею и разрешить лечение при санчасти полка. Очень не хотелось расставаться со своими командирами, и товарищами.

Моя просьба была удовлетворена, так как я согласился и дал заверение врачам, что буду аккуратно ходить на лечение в санчасть полка, что в последствии было и выполнено. 25 марта 1943 года я прибыл на батарею, которая в составе части завершила бои по уничтожению Восточно-Прусской группировки противника юго-западнее Кенигсберга и была выведена для подготовки к штурму города-крепости Кенигсберг. Об этом подробно описано в книгах командующего армией К.Н. Галицкого «В боях за Восточную Пруссию» стр. 358; в книге Медведева К.Е., И.Л. Шешенина «Пути-дороги фронтовые», в их статье «Трудными дорогами» в книге «Под гвардейскими знаменами», в книге В.Б. Лобанова «18-я Гвардейская». Важность этой операции по разгрому Восточно-Прусской группировки немецких войск подтверждается Приказом верховного Главнокомандующего от 29 марта 1945 года № 317, в котором всему личному составу нашей части объявлена благодарность.

К наступлению на город-крепость Кенигсберг 6 апреля 1945 г. я был уже в боевом строю. При штурме Кенигсберга получил легкое пулевое ранение в левую руку, но из части не выбывал. При наступлении на крепость Пиллау был контужен. Войну закончили последними боями на косе Фрише Нерунг в начале мая 1945 года, о чем также подробно написано в уже названных книгах .

После окончания войны, продолжал служить и недолго работал в этой же части до конца 1947 года. В феврале 1948 года приступил к мирному труду на Павлово-Посадском камвольном комбинате Московской области, приобретя специальность текстильщика, где проработал более 17 лет. Без отрыва от производства, после 10-ти летки, закончил Московский заочный текстильный техникум и Московский текстильный институт с отличием, поступил в аспирантуру и сдал кандидатский минимум. В 1965 году партийными органами и Госкомитетом по легкой промышленности СССР направлен на строительство текстильного предприятия Сибири - Черногорский камвольно-суконный комбинат Красноярского края, где проработал почти 8 лет до полного его пуска в должности заместителя и главного инженера предприятия. В конце 1972 года по состоянию здоровья, лечения в госпитале И.О.В., заключению и рекомендации ВТЗК, Минлегпромом СССР переведен на Пятигорскую прядильно-ткацкую фабрику, где работаю по настоящее время, находясь на пенсии. Общий трудовой стаж 45 лет, в том числе послевоенный непрерывный в текстильной промышленности 37 лет на различных должностях, от рабочего - помощника матера до главного инженера 10-ти тысячного коллектива. Всю свою жизнь являюсь пропагандистом политической и экономической учебы, без отрыва от производства преподавал в текстильных техникумах, профтехучилищах и спецкурсах, готовя кадры для предприятий текстильной промышленности. Неоднократно избирался секретарем и членом бюро партийной организации предприятий и другие выборные органы. За трудовую, общественную деятельность награжден орденом "Знак Почета", медалью "Ветеран труда", многими Почетными знаками и грамотами.

Очень горжусь своими родителями, вырастившими и воспитавшими четырех детей - отцом Игнатом Несторовичем, малограмотным крестьянином, первым организатором и заслуженным почетным колхозником. Матерью Елизаветой Еремеевной, совершенно неграмотной женщиной, но передовой колхозницей, погибшей в фашистском концлагере г. Орши, родными братьями и сестрой: Василием, Иваном, Ниной, всеми нашими родственниками, пережившими грозные годы войны, блокады и оккупации, сохранившими верность и преданность своей Родине.

Вместе с женой Верой Федоровной очень довольны своими взрослыми детьми - сыном Леонидом и дочерью Валентиной, получившими высшее образование, успешно работающими на предприятиях Москвы и области и воспитывающими своих детей - наших внуков, ведь продолжение жизни заключается в наших детях и внуках. Вот типичная судьба и краткая биография рядового солдата в годы войны и мирное послевоенное время.

В книге воспоминаний гвардии рядового Клячкина Александра Игнатьевича, бывшего разведчика-топографа 7-й батареи 3-го дивизиона 52-го артиллерийского полка 18 (133) Гвардейской Инстербургской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии имелись также фотографии времен Великой Отечественной войны. Мы сделали также электронную версию некоторых из них и представляем в качестве мемуаров на нашем сайте.



У пушки своей батареи слева командир Антонов О.Я. справа его связной разведчик-топограф Клячкин А.И., Калининград, Форт №5 1982



Начальник разведки 52 артиллерийского полка Парахневич Ф.П. (слева), 1982, справа командир 7 батареи Антонов О.А. перед штурмом Кенигсберга, апрель 1945



Боевые друзья 7-й батареи слева направо: санинструктор Барашко, лейтенант Смагин, старшина батареи Воронцов (погиб)

Братья Клячкины Василий и Александр в Кенигсберге. Неожиданная встреча

Боевые друзья 8-й батареи слева направо: разведчик Петрунин, Анифриев, Гриценко



Солдаты времени войны: радист 7-й батареи
Можаяев Сергей, справа Клячкин Александр,
Большаков Василий, Инстербург, 1945 год



Связисты Плотников Михаил, Савин Михаил



Командир отделения разведки 3-его дивизиона
Курганов Сергей



Группа радистов 3-его дивизиона 52 арт. Полка
слева направо Звягин Иван Григорьевич, Хохлов
с 7-й батареи, Ломаско П.И. – дивизиона 9-я
батарея, Цвилев – 8-ая батарея



Солдаты 52 арт. Полка периода войны. Слева
связист Засыпкин Александр, справа братья
Клячкины Василий и Александр, встреча в
Калининграде, 1945 год, октябрь



Слева разведчик Козырев, 8-ая батарея, справа
Акуленко

Солдат бессмертен, даже если он погиб, даже если ветеран уже ушел из жизни, даже если уже нет музея, где хранились документы и фотографии. Он жив, пока кому-то дорога память о нем, пока кто-то каждый день зажигает Свечу памяти.

<http://shock-direct.ucoz.ru/publ/1-1-0-12>